

Михаил Лабашук

Лодзинский университет

ul. Marysińska 70–74, m. 2, 91-850 Łódź, Polska

Тел.: (48–42) 655 02 87

E-mail: Labashchuk@tlen.pl

ЯЗЫКОВАЯ И РЕЧЕВАЯ СЕМАНТИКА В ИДИОЛЕКТЕ И СОЦИОЛЕКТЕ

*В статье поднимается проблема соотношения языка и речи применительно к проблеме языковой и речевой семантики лексических единиц. Эта проблема осложняется необходимостью учета традиционной дихотомии **идиолекта** и **социолекта**. В статье уточняются в соответствии с современной антропоцентрической парадигмой языкознания введенные некогда Ф. де Соссюром понятия языка, речи и речевой деятельности. Ключевыми понятиями статьи являются понятия **идиолекта** и **социолекта**, используемые в несколько модифицированном смысле.*

Предлагаемое акцентирование отмеченных терминов связано со стремлением усилить внимание к идиолекту, указать на необходимость методологического подхода к исследованию фактов языка и речи на базе понятия «идиолект» при понимании социолекта лишь как конструкта социоцентрического подхода к лингвистическим исследованиям в науке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык, речь, идиолект, социолект, функциональные стили языка, семантика, метафора, метонимия.

Современные исследования семантики традиционно остаются преимущественно семасиологическими. Контекстуальными синонимами к термину «семасиологический» в данном случае выступают определения «условный», «избирательный». Условностью и избирательностью в отношении к описанию семантики мы называем направленность метаязыкового анализа на социальное инвариантное обобщение речевых значений (и в то же время невозможность полного достижения этого).

Действительно, человек не запоминает абсолютно все формальные и смысловые контексты коммуникации. Запоминаются наиболее типичные значения и формы выражений в отрыве от их контекстов. Именно эти индивидуальные языковые

значения усилиями лингвистов онтологизируются, искусственно и принудительно наделяются социальным статусом и из субъективной инвариантности лексикона конкретного человека становятся «объективными социальными фактами», например, в толковых или разного рода грамматических словарях. Отсюда толковый словарь представляет собой попытку воссоздания какого-то, образно говоря, энциклопедического идиолектного сознания, типичного и образцового одновременно. В результате такого исследовательского лингвистического подхода появляются языковая семантика социолекта, фразеология социолекта, синтаксис социолекта и т. д., что нередко затемняет или нивелирует различия между социолектом и идиолектами.

В проблеме онтологии языка принципиальное значение имеет социально-личностный аспект языковой деятельности. Е. А. Земская, продолжая и развивая традиции социолингвистического изучения русского языка, ссылается на коллективный труд и цитирует основной теоретический постулат своих предшественников: «В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они – постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту» (Земская 1996, с. 9). Далее Е. А. Земская отмечает пять антиномий языка – антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языковой системы; антиномия кода и текста; антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной (Земская 1996).

Верное по существу рассуждение делает, если учитывать сказанное нами выше, обоснованным одно принципиальное замечание. В приведенной цитате четыре раза повторяется слово «язык» в значении «социальное явление»¹. Но в таком языке не

может быть никаких противоречий, или антиномий, просто потому, что он является исследовательским конструктом. По сути, не существует никакого социального языка, кроме индивидуальных языков, их взаимодействия и результатов этих взаимодействий в виде устных и письменных текстов. Объективацию и феноменологизацию языка-социолекта как реального социального явления следует преодолевать (хотя это и долговременный процесс), так как понимание социолекта как инвариантного надиндивидуального языка, облегчая понимание в одних аспектах, вносит путаницу и в без того сложные отношения в других аспектах.

Отношения идиолекта и воображаемого социолекта обманчивы и иллюзорны в нескольких отношениях. Во-первых, под социолектом может пониматься (в духе философии языка В. Гумбольдта) реально существующий над обществом язык в разных формах своего проявления. Чаще всего с социолектом неосознанно идентифицируют предписывающую кодифицируемость литературного языка, то есть грамматики в виде текстов (но в этом случае социолект – не язык, а речь как научное описание грамматики языка в виде рекомендуемых норм и порицаемых отклонений от норм). Во-вторых, под социолектом часто понимается совокупность отдельных идиолектов, актуальных психофизических проявлений и взаимодействий их носителей, а также физических результатов этого взаимодействия

¹ О том, что Е. М. Земская употребляет термин «язык» не в значении «идиолект», а именно в значении «социолект» (причем, социолект не в значении «совокупность идиолектов», а в значении «типичный образец», «социальная тенденция») свидетельствуют контексты употребления, а также типичные синтаксические конструкции: «язык 90-х годов», «язык нашего времени», «язык современной эпохи», «современное состояние языка», «современный язык», «официальный язык», «официальный язык эпохи», «язык печати», «язык средств массовой информации» и мн. др. (Земская 1996, с. 9–27).

(устные и письменные тексты). И, наконец, в-третьих, под социолектом допустимо понимать (что встречается реже всего) собственную устремленность языковой компетенции субъекта на овладение встречающимися ему в коммуникативной практике многочисленными образцами речевой деятельности других индивидов и на овладение результатами этой речевой деятельности в виде текстов.

Поэтому с нашей точки зрения в приведенном высказывании Е. А. Земской была бы закономерной замена термина «язык» на термин «идиолект» (или, по крайней мере, понимание языка в таком значении). И это совершенно не снижало бы социолингвистическую направленность данного исследования, так как идиолект и есть форма существования социолекта. Не идиолект выводится из социолекта, а, наоборот, идиолект является единственной формой существования социолекта. Традиционно социальный язык считается мерилем индивидуального, однако таким мерилем должны быть нормы и требования типологии языка. Упоминаемые Е. А. Земской пять антиномий социолекта и внешние социальные факторы развития языка в таком случае могут быть уточнены как антиномии **идиолектов**, причем с редукцией до двух антиномий: антиномия слушающего и неклишированного текста, антиномия языка (идиолекта в значении *langue* как индивидуальной системы вербальных знаков, но не как совокупности идиолектов или языка в значении «литературного языка») и сознания (понятийной системы субъекта).

Отмеченное уточнение и обобщение возможно потому, что антиномия говорящего и слушающего, кода и текста – это, по существу, одно и то же: слушающий воспри-

нимает в вербальном отношении не говорящего, а сигналы его текста, воспринимает новый для него текст, стремясь расшифровать его на основе знаний кода и по возможности адекватно идентифицировать его интенцию. Точно так же антиномия узуса и возможностей языковой системы, антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака и антиномия информационная и экспрессивная функций языка – это антиномия представлений, системы понятий субъекта и системы языка. В свою очередь, упоминаемые Е. А. Земской внешние социальные факторы развития языка также могут быть описаны как внутренние факторы идиолекта.

Таким образом, язык можно и достаточно описывать только как идиолект. Тем не менее, по двум причинам не следует отказываться и от понятия социолект. *Первая причина* состоит в том, что слишком сильна, устойчива и, пожалуй, пока неискоренима вера в существование социальной формы естественного языка. Укорененность такого взгляда на язык связана, видимо, с тем, что невозможно охватить единым исследовательским взглядом все многообразие идиолектов, поэтому следует признать наряду с преимущественным и акцентированным использованием термина «идиолект» право на использование термина «социолект» с неизменным осознанием достаточной условности обозначаемого им явления. Из первой причины вытекает *вторая причина* (решающая) – термином «социолект» удобно обозначать совокупность наиболее характерных признаков отдельных идиолектов, подобных по времени и месту существования (например, семейный социолект, профессиональный социолект, молодежный социолект и др.).

В реальной коммуникации в настоящее время мы являемся свидетелями ее качественного изменения и интенсивности: перемещения носителей идиолектов в новые социальные окружения, увеличения числа форм опосредованных устных и письменных коммуникаций, виртуальных перемещений (телевидение, Интернет), увеличения количества языков в объеме идиолекта (полиглоссия) и др. Все это требует большего внимания к такому явлению, как «язык», именно в значении «идиолект». Его главными и предельно минимальными уровнями описания являются формально-грамматический, структурно-семантический и функционально-смысловой уровни.

Понимание отношений социолекта и идиолекта имеет свое не прямое, но тем не менее аналогичное отражение в характере семантических исследований. Семасиологический подход в лингвистическом исследовании (от формы к значению и внеязыковому содержанию) противопоставляется ономазиологическому подходу (от внеязыкового содержания к форме). При этом понимание ономазиологического подхода к исследованию лингвистических явлений может несколько отличаться у разных исследователей. Наиболее типичными проявлениями понимания ономазиологического исследования являются следующие: 1) понимание его как процесса номинации, обозначения; 2) как формирования, кодирования информации; 3) как процесс словообразования. Первое наиболее традиционное понимание представлено, например, У. С. Кубряковой: «Теория обозначения изучает связь предмета и его значения, обратную же связь изучает семантика. В соответствии с этими принципами и формировались две разные области семантики, или два разных подхода к ее

объектам – ономазиологический и семасиологический (семантический)» (Кубрякова 1986, с. 33). С некоторым отличием понимает ономазиологический подход в исследовании семантики О. Лешак: своеобразие понимания проявляется в том, что ономазиология связывается с языковым кодированием информации, а семасиология – с языковым декодированием информации в речи (Лешак 1996, с. 372-373). По-своему (хотя в другом аспекте) понимает ономазиологический подход И. Торопцев, а именно, как процессуальный, динамический аспект словообразования: «Предметом процессуального словообразования (ономазиологии) является словопроизводственный процесс, психический процесс (в ходе которого лексически материализуется, объективируется идеальное содержание), и словопроизводственная модель, в соответствии с которой процесс осуществляется» (Торопцев 1980, с. 12).

Принципиально важным является то, что полюсная двунаправленность в исследованиях семантики является комплиментарной. Семасиологические исследования направлены не на семантику идиолекта, а на обобщенную семантику идиолектов со стремлением найти типичные тенденции, знание которых, бесспорно, является важным для каждого индивида. Напротив, ономазиологические исследования направлены на семантику словоупотреблений отдельного индивида, формируемую в процессе конкретной речевой деятельности, то есть семантику речевого знака при актуализации языкового знака, или семантику знакообразования (при словообразовании нового знака). Из этого следует, что семасиологические исследования языка – необходимый полюс подхода к бесконечности явлений вербальной семиотики.

Однако другим необходимым полюсом исследований является ономаσιологический подход к языку, реализующийся как в семантических, так и в грамматических исследованиях, при этом речь должна вестись о разумном соединении двух подходов.

На наш взгляд, оптимальное соединение подходов возможно при соблюдении следующих (среди многих других) исследовательских дихотомий: язык – речь, идиолект – социолект, онтогенез – филогенез. Кроме того, не следует забывать, что и семасиологический, и ономаσιологический подходы в исследованиях имеют свои преимущества и недостатки. В семасиологических исследованиях наиболее типичные идиолектные черты речи автоматически признаются чертами социолекта, при этом столь же автоматически игнорируются или элиминируются своеобразные идиолектные черты в разговорном и даже в публицистическом или научном стилях языка. Исключением является художественный стиль, конституирующим признаком и идеалом которого является творческий идиолект. Однако можно высказать гипотезу, что в разговорном стиле любого идиолекта существуют не менее интересные индивидуальные черты, нежели в идиолекте творческом. Само содержание термина «идиолект», конечно же, предполагает существование отличий между идиолектами, но парадокс состоит в том, что эти отличия (даже только грамматические), априорно приписываемые идиолектам, гораздо более существенны, чем это традиционно представляется.

Онтологизация и абсолютизация языка как социолекта прочно укоренилась в современной науке, и с этим, очевидно, не стоит бороться. Однако следует развивать и альтернативное понимание языка-социолекта как эпистемиологической условности в противопоставлении языку-социолекту как совокупности идиолектов: «язык существует в виде совокупности индивидуальных языков. При идиолектном понимании языка «материальная сторона индивидуального языка имеет физиологическую природу. Индивидуальный язык размещен в мозге индивидуума» (Торопцев 1980, с. 12). Идиолект и социолект по своей внутренней структуре не являются симметричными явлениями. Если идиолект своими проявлениями имеет язык (*langue* как индивидуальная система единиц) и речь (речевая деятельность и тексты), то в социолекте нет языка-системы (разве что *langue*, понимаемый исключительно как нормы литературного языка), но только речь (понимаемая как совокупность текстов идиолектов).

В основе моделирующей способности субъекта находится тотальная асимметрия этапных преобразований информации. Воспринимаемая сенсорно-чувственная информация принципиально преобразует в восприятии внеположенный субъекту материально-чувственный мир (мир «вещей-в-себе»)². Эти сенсорные восприятия вновь преобразуются в совершенно иную форму наглядно-аффективных актуальных и образно-эмоциональных ментальных представлений, которые далее принципиально преломляются в форму инвариантных и

² Следует отметить, что в разных философских и научных методологиях совершенно по-разному трактуется восприятие субъектом внешнего ему мира (например, адекватность восприятия в материализме, преобразование «вещей-в-себе» в «явления-для-нас» в философии И. Канта, преобразование нуоменов в феномены в идеализме, создание собственного индивидуального мира в солипсизме и др.).

актуальных понятийных и семиотических единиц, в том числе, в первую очередь, единиц системы языка. В свою очередь, в обратном порядке (не обязательно однозначно последовательном) единицы разного уровня системы языка и тексты преобразуяюще воздействуют на понятийную, эмоциональную и, бесспорно, даже сенсорную сферу восприятий.

В определенной мере отражая логику семасиологических и ономасиологических исследований, является двухполюсной и разнонаправленной семантика языковой лексической единицы – один ее полюс представляет рациональная категориальная информация (интенционал, десигнат), другой – чувственная, референтивная информация (экстенционал, денотат). Этот факт признают самые разные, даже противоположные теории языка. Из него следует, что функция семантики состоит в том, чтобы соотносить значение и форму выражения для образования речевого знака. В свою очередь, функция знака состоит в том, чтобы соотносить инвариантную информацию с актуальным содержанием интенции коммуникации.

Своими корнями и семиотическое, и несемиотическое мышление имеет две противоположные классические способности субъекта – способность к чувственному созерцанию и способность к рациональному созерцанию. Рациональное мышление полностью себя реализует в логике, а эстетическое – в поэтике. Между ними в равноудаленности находится обыденно-мифологическое мышление, в речи выражаемое в объеме узуальных значений языка. В разных методологиях способности субъекта к рациональному или чувственному созерцанию нередко феноменологизи-

руются и избирательно определяют точкой отсчета построения теории деятельности. Например, в позитивистских, материалистических или бихевиористских методологиях базисной для генезиса смысла признается способность к чувственному отражению, а в рационалистических или солиптических методологиях при генезисе смысла отправной считается способность к рациональному мышлению. В функциональных теориях смысл определяется и формируется отношением способностей субъекта к рациональному и чувственному отражению.

Субъект обречен на освоение и поиск согласования, рациональной и чувственной разнонаправленности собственной сущности, и это «примирение» осуществляется через разные семиотические системы, важнейшей из которых является вербальная. Само существование среди способностей субъекта такого феномена, как языковая способность, подчеркивает функциональную природу способностей человека и необходимость именно функционального подхода в исследованиях этих способностей. Ведь строение языка, с одной стороны, опирается на лексические значения, а через них на референции чувственного созерцания, а, с другой стороны, оно направлено на категориальность грамматики, а через нее на категории рационального созерцания.

В такой же полярной разнонаправленности к рациональному мышлению и к чувственному восприятию организовано строение понятия и вербального знака. У Л. Выготского есть два бесспорных, но несколько противоречащих друг другу определения: «Самое существенное для понятия – отношение его к действительности» (Выготский 1982, т. 2, с. 119), и: «Основное

свойство всякой структуры (в данном случае, речь о понятии. – М. Л.) – независимость от образующего ее элемента, от конкретного материала, на котором она образована, и возможность переноса на любой другой материал» (Выготский 1982, т. 2, с. 119). Сказанное о понятиях полностью применимо к вербальным единицам: **значение слова (сигнификат) является социализированной (то есть, приспособленной, адаптированной в процессе многочисленных общений) центральной частью индивидуально отличных понятий.** Функция слова (а шире, и языка) состоит в том, что оно должно быть одновременно связано с чувственной стороной психики человека и в то же время быть независимым от нее. А это возможно, если слово и понятие реализуют функцию отношения между рациональной и чувственной способностями субъекта. В этом и состоит сущность философских теорий деятельности И. Канта, В. Джемса, Ф. де Соссюра, Л. Выготского и др.

Чувственное созерцание может быть как непосредственным, так и опосредованным в виде представлений чувственного созерцания (например, восприятие человека в живом общении можно назвать непосредственным чувственным его восприятием, а восприятие того же человека в виде чувственного его образа (иногда достаточно живого и яркого) по памяти в продолжающейся внутренней дискуссии с ним при его фактическом отсутствии можно назвать опосредованным чувственным восприятием). Точно так же и рациональное созерцание может быть непосредственным и опосредованным в виде понятий, предпонятий, псевдопонятий, комплексов и синкретов. Обыденно-мифологическое мышление утверждает и закрепляет наиболее ти-

пичные представления и восприятия предметно-мыслительной деятельности. Способность к воспроизведению, расчленению и соединению чувственных представлений лежит в основе процессов логического и эстетического освоения восприятий. Научное мышление создает общезначимую классификационную таблицу явлений в их причинно-следственных отношениях, а эстетическое мышление создает замкнутый личный мир индивидуальных законов и сущностных (с точки зрения именно автора) личностных констатаций.

Исходя из этого, в идиолекте языковая деятельность как родовой термин (представленный в ее трихотомическом аспекте – язык, речевая деятельность, речь) понимается как функциональная часть человеческой психики, как структурированная семиотическая функция отношения между психо-мыслительной деятельностью субъекта и предметно-коммуникативной деятельностью социального человека, то есть между сферой инвариантных знаний субъекта (когнитивная картина мира) и многообразной вариативной информацией, получаемой субъектом в процессах предметного и социального взаимодействия. Таким образом, происхождение системы инвариантных единиц и представлений субъекта имеет двойственную природу: с одной стороны, (индивидуально-генетический фактор) врожденные индивидуальные физиологические способности, которые останутся только потенциальными или никогда не проявятся, если не будет реализована другая сторона (социально-деятельностный фактор), а именно, социальная деятельность в процессе взаимодействия с другими индивидами.

Так как языковая деятельность признается нами отношением между инвариантными знаниями субъекта и его актуальной деятельностью, то для определения языка как феномена наиболее удобным представляется понятие виртуального семиотического пространства инвариантных значений и моделей формообразования, а для определения речевых произведений – понятие актуального семиотического психомыслительного пространства, структурированного означающими речевых единиц через речевые сигналы. В таком случае, речевая деятельность – это процесс создания указанного актуального вербализованного психомыслительного пространства, как уже говорилось, структурированного и связанного (а самое

главное, ограничиваемого) означающими речевых единиц. Акцентируем аспект не только структурированности, но и ограниченности данного психомыслительного пространства. Психомыслительное пространство ограничивается теми пределами, которые допускаются означающими конкретного отрывка, высказывания или текста, в свою очередь обусловленными языковой активностью, как это понимал Н. Хомский, субъекта речи. Таким образом, идиолект и социолект позволяют уточнить триаду Соссюра применительно к эпохе антропоцентрической парадигмы в языкознании, поставившей в центр лингвистической науки непосредственного субъекта речевой деятельности.

Литература

ВЫГОТСКИЙ, Л. С., 1982. *Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 2*. Москва: Педагогика.

ЗЕМСКАЯ, Е. А., 1996. Исходные положения исследования. *Ип: Отв. ред. Е. А. ЗЕМСКАЯ. Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, 9–31.

КУБРЯКОВА, Е. С., 1986. *Номинативный аспект речевой деятельности*. Москва: Наука.

ЛЕЩАК, О., 1996. *Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики*. Тернопіль: Підручники і посібники.

ТОРОПЦЕВ, И. С., 1980. *Словопроизводственный процесс*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.

Michał Łabaszczuk

University of Lodz

THE SEMANTICS OF LANGUAGE AND SPEECH IN IDIOLECT AND SOCIOLECT

Summary

The article focuses on the problem of the relation between language and speech taking into account the problem of the semantics of language and speech of lexical units. This problem is overbur-

dened by necessity of taking notice of the traditional dichotomy of idiolect and sociolect. The article revises the concepts of language, speech and speech practice, which were proposed by F. de Saussure, in accordance with contemporary anthropocentric paradigm of linguistics. The concepts of idiolect and sociolect, which are modified a little, are the key notions of the article.

The proposed emphasis on the noted terms is related with an attempt to accentuate idiolect and point out the necessity of methodological approach

researching the facts of language and speech on the basis of the concept of “idiolect” while sociolect is conceived just as the construct of sociocentric approach to the linguistic research in science.

KEY WORDS: language, speech, idiolect, sociolect, functional styles of language, semantics, metaphor, metonymy.

Gauta 2005 12 25

Priimta publikuoti 2006 05 03